

Потаенный Вс. Иванов

Мит. Россия, — 1995. — 3 марта. — С. 5.

Иванова. Общий же рисунок и колорит цикла совершенно уникален. Критики игнорировали или замалчивали «Тайное тайных»: не находя в книге никаких словословий тогдашнему миропорядку, они с сокрушением видели, что у героев Вс. Иванова — «диких людей» — путаное, неразвитое сознание, темные инстинкты, закоренелый эгоизм. Недаром Вс. Иванов записывал в своем дневнике военной поры, упрекая М. Горького в интеллектуальной гордыне: «Я не встречал никого другого, кто бы с такой верой верил в невозможное: возможность перестроить мир и человека. Впрочем, вера тем и вера, чтобы верить в невозможное».

Вс. Иванов, на мой взгляд, написал немало книг, которые находятся как бы на обочине его духовного развития, книг, без которых он мог бы обойтись. Конечно, они не серы и не бездарны, но в них автор словно бы силится войти в обойму, вписаться в общую сетку тогдашнего литературного «рынка». С рубежа тридцатых годов, даже несколько раньше, такую беду испытали многие советские писатели, не исключая строптивца Б. Пильняка. Но Вс. Иванов умел время от времени стряхнуть с себя это бремя и снова прорваться к заповедному полю своего предназначения, своей писательской страсти. Этой страстью одухотворена повесть «Факир подходит к цирку» — слав биографии и вымысла, затрапезного быта и мечты.

Позднее, уже после Отечественной войны, в новой общественной обстановке, он познал всплеск истинного вдохновения —

он написал превосходный, свободный от конъюнктурных влияний роман «Эдесская святая». Это роман-притча на тему пушкинского «Анчара» — о тлетворной силе власти земного владыки и гибнущем от его десницы поэте. Это широкая историческая панорама, овеянная дыханием Востока, полусказочный Багдад X века, чудесно вылепленные самобытные персонажи. И богатырь ивановский красочный русский язык!

К «Эдесской святыне» примыкает и цикл фантастических рассказов, написанных в ту же пору. Это «Сокол», «Медная лампа», «Агасфер». В них писатель ищет новые выразительные средства, сочетая вымысел и философию, быль и легенду. Вымысел — могучий фактор литературного творчества — на какое-то время становится средоточием размышлений Вс. Иванова. На чистом вымысле построен сюжет «Эдесской святыни». А фантастический рассказ «Сизиф сын Эола», помеченный 1944 годом, столь плотски ошутим, так пластичен, исполнен такого свободного полета мысли, что его можно помещать в любую антологию новелл, при самом строгом отборе.

Всеголовод Иванов внес в октябрьскую русскую литературу, в искусство двадцатого века новый материал, новое зрение. Его работа может быть осмыслена на параллели, общей с искусством Хемингуэя и других западных мастеров тогдашней генерации. Он был лирик и эпик, неуемный искатель, приверженец правды. О его языке можно писать диссертации. Одни примеры блистательных его эпитетов и сравнений составили бы нескончаемый перечень: он видел мир свежо и красочно. И всем сердцем любил его.

В писательской среде он служил некоей скрепой нравственности. Его отзывчивость, широкая доброжелательность, глубокая порядочность, неприязнь к любым дряблям — все это было общеизвестно. Народ, родина, искусство — это были святыни писателя.

Потомок сибирских казаков, сын сельского учителя, не изведавший ни гимназий, ни университетов, переменявший множество профессий, Всеволод Иванов самостоятельным трудом стал образованнейшим человеком, осведомленным в самых неожиданных областях знания. Юность его была в немалой мере трагична, взлет в литературе — стремительный и нежданный. Можно сказать — это по всем ипостасям крупнейший писатель.

В дневнике за 1939 г. Вс. Иванов записал: «...Фадеев передал мне слова Хозяина: «Иванов себе на уме». Для того, чтобы у Хозяина сложилось такое впечатление, мало чтения моих книг, а много «сообщений»...»

До конца дней Всеволода Иванова не покидала надежда, что в недалеком будущем люди внимательно прочтут его произведения, задумаются над ними и справедливо оценят.

Николай БАННИКОВ

Смахнуть, словно крошки с неприбранного стола, семидесятилетний опыт художественной русской литературы — дело безрассудное, немудрое. Надо только чуть хлебнуть заморского «ерофеича», и уже помутятся, померкнут в глазах, хотя и вряд ли забытые читателем, «Угрюм-река» и «Алые паруса», «Тихий Дон» и «Барсуки», «Корень жизни» и «Петр Первый». При этой тотальной хирургии от многошумного леса остаются лишь одинокие деревья — один Булгаков да один Платонов.

Между тем за семьдесят лет существования советской литературы в ней действовало целое созвездие первостепенных, крупных талантов, не похожих друг на друга и придавших нашей прозе и поэзии и силу, и красоту, и разнообразие. В особенности это чувствовалось до начала тридцатых годов, когда указующий правительственный надзор был не столь неукоснительен и жесток. Тактика кнута и пряника, разумеется, давала свои плоды, но самостоятельность писательского сознания подавить до конца она не смогла.

Сомнения, нескрываемая горечь и протест нередко прорывались в творчестве самых блестящих, признанных читателями и отменными званиями и наградами мастеров. В числе их был и Всеволод Иванов. Он стремительно, с первых своих шагов в петроградской печати, обрел известность и был назван надеждой советской литературы. Его «Бронепоезд 14-69» и «Партизаны» прогремели в начале двадцатых годов, попали в школьную программу, считались чуть ли не образцом революционной художественной прозы. Но прошло немного лет, и ивановские партизанские повести стало уже невозможно печатать без переделок и перелицовок. К каждому новому изданию писателю приходилось в ответ на вновь возникавшие политические соображения вносить поправки, сочинять новые варианты, и в конечном итоге возникали новые тексты, серьезнейшим образом искажавшие первоначальный, прославленный. К пятидесятым годам бедный читатель этими вариантами был совершенно запутан.

Новые работы Всеволода Иванова с трудом проходили в печать или забраковывались, критика встречала их недоброжелательно и подчас грубо отвергала. А Всеволод Иванов был художником беспокойным, презиравшим штампы, был искателем новых путей в литературе. Каждая его вещь являла читателю слово как бы нового, почти незнакомого писателя.

Тогдашняя литературная критика только отчасти осознала, насколько свежа и оригинальна была ранняя проза Всеволода Иванова. Образная насыщенностью, особым динамизмом, близким к только что утверждавшемуся кинематографу, отли-

чался уже его «Бронепоезд». «Зачитанность» этой повести, ее разрекламированность не должны заслонить от нас ее истинных художественных достоинств, по своему небывалых. Есть в «Бронепоезде» заключительный пассаж, который начисто исчез в его поздних изданиях. Молодой полуголодный и тщедушный солдатик в голубых обмотках, почти автопортрет писателя, наблюдает за эвакуацией интервентов в дальневосточном портовом городе и манифестирующими толпами восставшего народа и замечает американского корреспондента, что-то заносившего в записную книжку. И вся горечь и боль писателя за пролитую кровь, за жестокость, разруху и безобразия, творившиеся в пылу схватки, вылились у него в одну фразу, едва ли устраивающую советскую цензуру: «И было ему (солдатику в голубых обмотках. — Н.Б.) непонятно стыдно не то за себя, не то за американца, не то за Россию, не то за Европу». Перед нами шифр, к которому приходилось прибегать писателю-гуманисту, внутренне свободному от официальной идеологии.

Творчество молодого Всеволода Иванова можно уподобить какому-то вулкану. Родилась повесть «Голубые пески», несколько сборников удивительных рассказов, повесть «Хабуб». Рассказом «Дите» безудержно восхищался Сергей Есенин.

В повести «Возвращение Будды» показана атмосфера всей Европы и особенно Сибири через призму гражданской войны. Здесь мы находим многозначительную сентенцию, вложенную в уста старорежимного профессора-востоковеда, который, сопровождая извятие Будды на его пути из Петрограда в Москву, подъехав уже к ее границам, изрекает: «В результате революции туземцы настолько же будут презирать Россию, насколько раньше боялись». Это написано в 1923 году!

На рубеже двадцатых — тридцатых годов Всеволод Иванов работает над двумя романами, где реализм был сплавлен с фантастикой. Романы не были приняты редакциями и остались в архиве писателя. И приблизительно тогда же, в 1927 году, у Всеволода Иванова появляется замечательная по мастерству книга «Тайное тайных». Писатель поступил здесь как психолог, поставивший себе задачу выяснить, насколько простые, рядовые люди, преимущественно крестьяне, способны по своим душевным силам поднять груз решительного социального и общественного переустройства, насколько они подготовлены к этому. Рассказы из «Тайного тайных» (такие, как «Плодородие», «Жизнь Смокотинина», «Полынья») поразили М. Горького — он сравнивал их с рассказами И. Бунина. Но это сравнение правомерно лишь в отношении изощренности языка Вс.